

Романсы лучше всего держат в форме голос и душу

Музыкальная передача "Романтика романса" на телеканале "Культура" уже шестой год рассказывает зрителям о романсе классическом и городском, старинном и современном в исполнении профессионалов и любителей. В новом сезоне ведущей "Романтики романса" стала Любовь КАЗАРНОВСКАЯ.

— Любовь Юрьевна, как вы себя чувствуете в роли телеведущей?

— Очень хорошо, потому что хорошо владею этой темой. Мой педагог, Надежда Матвеевна Малышева-Виноградова, была педагогом-концертмейстером оперной студии Станиславского, аккомпанировала Шалепину в концертах. Надежда Матвеевна соединила итальянскую школу и русскую исполнительскую традицию. Она всегда говорила, что Станиславский, когда к нему приходили певцы, начинал с этюдов. А что такое этюды для оперного певца? Это романсы. Он брал старинные романсы и разбирал их с певцами-актерами с актерской, драматической точки зрения. Станиславский говорил, что в одном романсе в течение двух-трех минут можно рассказать о жизни человеческого духа.

— Когда вы впервые выступили с романсами?

— Мой первый сольный концерт состоялся на сцене Музея имени Пушкина, где теперь снимается программа "Романтика романса". Это был 1978 год, я была студенткой второго курса Московской консерватории. Романс для меня — это то, с чего я начала, и то, что всю жизнь продолжаю исполнять. Я обожаю камерные программы и считаю, что камерная музыка, романсы лучше всего держат в форме голос и душу. Это разговор непосредственно от сердца к сердцу, от твоего сердца к сердцу публики. Поэтому я очень хорошо знаю, о чем рассказывают телезрителям.

— Вы спели и записали все романсы Чайковского — а их более 100.

— 103. Я записала все эти романсы и еще четыре, которые не вошли в полное академическое собрание. Я записала абсолютно все романсы Петра Ильича. И знаете, для меня он стал намного ближе, понятнее. Это дало столько пищи для ума и сердца! Сейчас я хочу исполнить все романсы Сергея Васильевича Рахманинова, и в планах у меня Прокофьев — неизвестный Прокофьев, который сегодня, к сожалению, не звучит, а это совершенно грандиозная музыка. Конечно, я отдаю предпочтение классическому романсу, но в нашей программе будет много музыки, которая должна, я думаю, привлечь широкий круг зрителей. Все-таки чисто классические программы предполагают определенную аудиторию. А в нашей программе будут и песни кино, причем разных периодов. Мы хотим сделать цикл программ: кино 30-, 40-, 50-, 60-х годов. Героями станут и Марио Ланца, и Марика Рекк, и Любовь Орлова, и Леонид Утесов.

Л. Казарновская

— В первой программе, которая посвящена Марку Бернесу, вы цитируете его слова: "Я не пою вам песни, я их рассказываю". Можно ли отнести это к вашему оперному репертуару?

— Знаете, когда вы выходите в оперных спектаклях, когда вы в театре, с оркестром, вы, конечно, должны петь, прежде всего донести голосом каждую ноту, каждое слово до самых последних рядов, — а в зале может быть 4000 зрителей или 20 000, как в Арена ди Верона. Там не расскажешь песню. Но чем хороши романсы: они воспитывают уважение к слову. Если в оперном спектакле вы не понимаете слов, через 10 — 15 минут вам становится скучно — вам надо следить за движением человеческой души, надо, чтобы голос вместе со словом до вас это переживание донес.

— У вас такой огромный творческий диапазон — и опера, и камерная музыка. Более того — вы теперь и драматическая актриса. Вы снялись в главных ролях в художественном фильме "Анна", в телесериале "Темный инстинкт" по мотивам романа Агаты Кристи, сейчас идет съемки фильма "Однажды в Севилье". Как вас "повело" в сторону кинематографа, телевидения?

— Отчасти потому, что меня совершенно не радует тенденция на сегодняшнем мировом оперном рынке. Раньше было так: если певец в течение 7 — 10 лет успешно выступает на сценах мира, у него появляются его "визитные карточки" — его лучшие роли. Звукозаписывающая фирма записывает его в этих партиях, чтобы у публики они остались в памяти. Сегодня все происходит наоборот: певец вначале записывает роль, едва ее слепив, а звукозаписывающая фирма навязывает певца с помощью рекламных акций всем театрам мира на эту роль. Певцы, как правило, оказываются не готовы. Получаются однодневки. А потом певца,

выжав, выбрасывают, им нужен новый. Сегодня важна обертка, а если еще и розовый бантик завяжут — все, уже продают: Мария Каллас номер 2, Шалепин № 2, Марио дель Монако № 3. Не выстраивается настоящая оперная судьба. Моя судьба уже сделана. Мне интересно попробовать себя в том, в чем сегодня Любовь Казарновская действительно может отличаться от других, которые несутся — сегодня здесь, завтра там, перелеты, переезды, концерты, зарабатывание денег... Мне не интересно. Поэтому я выбираю для себя проекты, связанные с кино, с телевидением, где я могу показать себя с неожиданной стороны.

— Вы вообще очень смело беретесь за новое — создали Фонд Любви Казарновской, стали президентом "Русского музыкального просветительского общества". Не сложно ли творческому человеку заниматься общественной деятельностью?

— Это не общественная деятельность. Мне не надо сидеть на заседаниях, ходить на собрания и выслушивать выступления. Чем занимается мой фонд, который сейчас вошел в Русское музыкальное просветительское общество? Я открыла дневники и письма братьев Рубинштейн, Антона и Николая. Это тоже творчество.

— У вас очень напряженный и разнообразный график. Концерты, гастроли, мастер-классы, кино-съемки, записи, теперь еще и телевизионные съемки. Как вы все успеваете? Как удается организовать себя?

— Трудно, очень трудно. Это невероятная самодисциплина. Действительно, вы правы, умение организовать себя. Если я знаю, что у меня активный период занятий со студентами — например, сейчас в Петербурге будет организован мой оперный класс, значит, после мастер-классов мне нужно три-четыре дня на восстановление.

— Вы, видимо, относитесь к тому типу людей, которым всегда надо начинать новое...

— Как известно, все новое — хорошо забытое старое. Я возвращаюсь мыслями к тому, что не могла сделать раньше из-за сумасшедшей нагрузки, или просто были совершенно другие интересы. А сейчас я думаю: вот теперь смогу. У меня уже достаточно техники, достаточно актерских ресурсов, душевных наработок. Профессионально могу взять эту роль или эту программу, которая мне никак не давалась, я к ней не была готова. Например, если бы мне 10 лет назад сказали, что я запишу все романсы Чайковского, я бы ответила — не смогу. Смогла. Раньше я не решалась петь Кармен. Сейчас мне это удается.